

«НЕЯСНЫЙ ВРАГ»: ПОЧЕМУ НЕ УДАЛАСЬ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ В 1814 ГОДУ

Н.А. Могилевский

Московский государственный институт международных отношений (университет).
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

К концу 1813 г. армия антинаполеоновской коалиции стояла у границ Франции. Перед Наполеоном стояла задача собрать новое боеспособное войско, причём в кратчайшие сроки. Это задача отягощалась ещё и катастрофическим состоянием французской экономики – казна была опустошена непосильными военными расходами. В этой ситуации французскому императору было жизненно необходимо возбудить в подданных патриотическое чувство, которое заставит их взяться за оружие. В начавшейся пропагандистской войне, которую вели члены коалиции против императора Франции, по сути решался вопрос о том, вспыхнет ли на французской территории партизанская война, или её удастся избежать. Коалиционная пропаганда пыталась донести до населения Франции идею о том, что война ведётся не с ним, а только с Наполеоном.

В свою очередь, французский император апеллировал к национальному и патриотическому чувству сограждан, призывая их защитить завоевания революции от полчищ «северных варваров». В конечном счёте, не сумев пробудить в французах патриотический порыв ни пламенными прокламациями, ни чисто административными мерами, Наполеон вновь возложил надежды на победу над врагом на поле боя. Союзники, опасавшиеся партизанской войны у себя в тылу, смогли без опаски вести военные операции против французских войск, в конечном счёте вступив в Париж 19 (31) марта 1814 г.

Ответ на вопрос, почему революционно-патриотический порыв французов, на который так надеялся их император, не обрёл реальных очертаний и не вылился в массовую партизанскую войну, состоит из нескольких пунктов. Прежде всего, на лицо явный идеологический проигрыш Наполеона: он не смог доступно и убедительно объяснить нации, против кого и за что она должна сражаться. В отличие от французского императора, его враги это сделать сумели, неоднократно повторяя в прокламациях и личных беседах, что у них враг один — император Наполеон, а не французская нация, и конечной целью войны является мир на континенте. В конечном счёте, сочетание этих факторов и послужили причиной того, что во Франции партизанская война так и не вспыхнула.

Ключевые слова: Наполеон I, Александр I, Франция, антинаполеоновские коалиции, партизанская война, патриотический подъём.

Кампания 1814 г. была для Франции очередной в длительной череде войн наполеоновской эпохи. Однако обладала существенным отличием: впервые боевые действия велись не в далёких — испанских, немецких или русских — землях, а на территории самой Франции. На правом берегу стояла 500-тысячная армия VI антинаполеоновской коалиции, вскоре начавшая движение в глубь страны. В последний раз столь грозная неприятельская сила собиралась у французских границ в 1793 г., в начале революционных войн. Тогда лишь невиданный патриотический подъём населения, ошеломивший неприятеля своей отвагой и яростью, уберёг республику от интервенции. Не последнюю роль в этом успехе сыграла чрезвычайно эффективная пропагандистская кампания, развёрнутая якобинским правительством. На начало 1814 г., казалось бы, ситуация повторялась: враг стоял у ворот империи, Наполеон, ограниченный во времени и средствах, был вынужден обратиться к опыту Революции, чтобы попытаться разжечь пламя партизанской войны. Но был фактор, не учтённый французским императором: различный «патриотический градус» настроений населения в 1793 г. и двадцать лет спустя. Тогда война виделась священным долгом каждого Гражданина (именно с большой буквы), встававшего грудью на защиту политических и экономических свобод, добытых в 1789 г. Спустя два десятилетия ситуация оказалась совсем другой: война превратилась в обыденное явление, и сражались в ней не Граждане, а рядовые солдаты, набираемые из этих граждан, то есть профессиональные военные. Конечно, мотив защиты революционных завоеваний присутствовал, но нивелировался громогласными заявлениями неприятеля о том, что все экономические и политические свободы останутся неприкосновенными после свержения Бонапарта [5, с.317]. В начавшейся пропагандистской войне Бонапарт не имел права проиграть, так как встал бы вопрос о политическом будущем созданной им империи и о личной судьбе самого императора и членов его семьи.

Возбудить в подданных патриотическое чувство, которое заставит их взяться за оружие, было совершенно необходимо, в первую очередь, ввиду плачевного экономического состояния страны, обескровленной за 1812–1813 гг. непрерывным набором рекрутов: деревни опустели, в лесах прятались дезертиры, не желавшие становиться калеками в бессмысленных, с их точки зрения, военных авантюрах Бонапарта. Картина французской провинции никак не могла радовать глаз: «Коммунальные угодья, самые лучшие государственные леса были выставлены на продажу, но не привлекали покупателей. Даже деревни, крайне отдалённые от театра военных действий, были опустошены реквизициями зерна, фуража и тягловых животных» [15, р.373]. Эта тяжёлая ситуация дополнялась страшной неразберихой во всех сферах жизни: «Все полученные из Франции письма и перехваченные письма полны жалоб на беспорядок и дезорганизацию во всех отраслях управления» [10, с.444].

Не лучше дела обстояли и в армии: к середине декабря 1813 г. у Наполеона под рукой были 80 тыс. чел., ещё 100 тыс. находились в Испании; на севере, в районе Голландии, было около 25 тыс. солдат [15, р.45]. Уставшие, деморализованные войска нуждались в отдыхе и доукомплектовании. Кроме того, всерьёз вставала проблема дезертиров: на 1 декабря 1813 г. их количество равнялось 80 тысячам человек (в качестве меры устрашения Наполеон предписал даже военному министру Кларку расстреливать каждого десятого пойманного беглеца) [18, р.302]. Набрать за короткое время достаточное количество новобранцев и сплотить в единую военную силу, которая способную выдержать бой со втрое её превосходящим противником было задачей почти невыполнимой. Наполеон, стоит отметить, прекрасно это понимал: «Армия! Я буду очень счастлив, если через три недели от сего дня мне удастся собрать тридцать или сорок тысяч человек!» – разоткровенничался он в разговоре с префектом полиции Пакье [18, р.131].

Однако сложные задачи только раззадоривали Бонапарта, заставляя работать с утроенной энергией. И вскоре он сумел удивить противников воскресшей из пепла новой армией!

К тому же, речь шла о существовании французской империи, а в такой борьбе считаться с затратами не приходилось. Сенатус-консулт от 15 ноября 1813 г. и декрет от 20 ноября 1813 г. дал императору новые 340 тыс. солдат [20, р.348]. Понимая, что потребуется время, чтобы сформировать из новобранцев полноценные боеспособные части, французский император был вынужден срочно перебрасывать войска с других фронтов, в первую очередь из Испании [9, д.4120, ч.2, л.288]. Наполеон реально оценивал ситуацию, в которой он оказался: «Если враг не переправиться через Рейн до 1-го января 1814 г., то я успею, и план (по переброске войск из Италии и Испании. – Н.М.) будет реализован точно в срок. Но, если я буду атакован до Рождества, я буду застигнут в самый разгар моей подготовки, которая будет из-за этого частично парализована» [13, р.211]. К концу декабря 1813 г. французская армия всё ещё находилась в плачевном состоянии: «Ей не хватало обмундирования, недополученного из пошивочных мастерских Бордо, Тулузы, Нима и Монпелье. Кавалерия располагала лишь 900 сёдлами вместо необходимых пяти тысяч. Порции галет, мяса и водки, выдаваемые солдатам, были значительно урезаны. Военные госпитали мгновенно переполнялись» [12, с.323].

Тяжёлая экономическая ситуация, сложности с комплектованием войска, стоявшая у французских границ огромная неприятельская армия — всё это неизбежно подталкивало Бонапарта к мысли о партизанской войне. Разумеется, как реалист и прагматик, император Франции не мог не понимать, что партизанские отряды способны лишь потрепать вражескую армию, нарушить её коммуникации, в лучшем случае выиграть один-два боя, не более того. Впрочем, большего было и не нужно: народная война дала бы Наполеону то, чего ему катастрофически не хватало,— время. Существовал и психологический эффект: угроза «народного бунта», который впоследствии мог перекинуться на их собственные государства, всегда пугала и австрийского императора и прусского короля, добавляя им сомнений относительно необходимости пересечения границы с Францией. Однако, чтобы сплотить нацию вокруг себя, Наполеону требовалось найти нужные слова, объясняющие французам, чем так страшен враг, показать его «истинное лицо».

В подобной ситуации Франция уже оказывалась и совсем недавно: после казни Людовика XVI европейские державы (в первую очередь Пруссия и Англия) объявили войну Франции и придвинули к её границам огромные армии. Тогда, в 1793 г., враг был ясен: европейская контрреволюция, готовая на любые жертвы, лишь бы потушить «революционный пожар» во Франции. Французам было понятно, против кого и за что они боролись, недаром так чётко это сформулировал Максимилиан Робеспьер, призывавший «довести до конца войну свободы против тирании» [6, с.52]. Свобода против рабства, республика против монархий, свободные граждане против солдат-наёмников и крепостных, наконец, якобинцы против дворян-эмигрантов. В конце 1814 года такая схема уже не работала: якобинская республика сменилась наполеоновской империей; свободные граждане, с оружием в руках защищавшие «свободу, равенство и братство», уступили место призывникам-конскриптам; в наполеоновских войсках были и вернувшиеся эмигранты. Содержание понятия «враг» размылось: французам было не вполне понятно, почему они должны рисковать жизнями, защищая императора и трон, на который враги Бонапарта решили вернуть законных королей (Бурбонов). Спустя 20 лет идеологические козыри, сыгравшие в 1793–1794 гг., были «биты». Более того, в ходе кампании в Германии в 1813 г. против французов с успехом применяли их же собственное оружие, призывая немцев к *освобождению* от наполеоновского гнёта.

Немаловажным было и то обстоятельство, что в 1793–1794 гг. «физиономия» врага была конкретизирована и ясна: бежавший из страны дворянин, жаждавший мести, и прусский солдат, мародёр и ненавистник Франции, на чьём штыке дворянин планировал возвратиться в родные пенаты и покарать зарвавшуюся чернь. Казалось бы, в 1814 г. ситуация повторялась: враги был те же, но было и существенное отличие. За годы

наполеоновской империи французы привыкли к тому, что в их армии служат (точнее, пребывают на положении вассалов) контингенты из всей Германии: австрийцы, баварцы, пруссаки, баденцы и саксонцы. Конечно, до полюбовного примирения с извечными врагами-немцами были ещё очень далеко, но такого ужаса и ненависти, как при старом режиме, они уже не внушали. Да и эмигранты-роялисты уже не вызывали той «межклассовой розни», что раньше. Отчасти это объяснялось привлечением на службу на разные должности наполеоновской империи «старых дворян», отчасти – возрождением нравов и традиций королевского двора (пышный церемониал, придворные чины, звучные титулы) при дворе Наполеона.

Впрочем, у Бонапарта оставалась беспроигрышная «карта»: напомнить соотечественникам об угрозе со стороны «полчищ северных варваров», то есть русских. Страх (смешанный, правда, с любопытством) перед русской армией вообще, а в особенности перед казаками, был чрезвычайно велик. Боялись и ждали мести за разорённые русские города и сёла, за сожжённую Москву и поруганные храмы. Так, уже после сражения под Люценом, в мае 1813 г., Наполеон в приказе напоминал своим солдатам о том, что «татарские орды сожгли свои деревни, города и даже собственную столицу, святую Москву», а «сегодня они пришли в наши пределы ... чтобы проповедовать здесь восстания, анархию, гражданскую войну и преступления». Свои войска император называет «спасителями Европы», перед которыми в долгу Италия, Франция и Германия [14, Vol. XXV, p.262–263]. Наметив в одном приказе, со свойственной ему лаконичностью и эмоциональностью, два важнейших идеологических аспекта борьбы (угроза «цивилизованной Европе» от «татар» и защита территорий Французской империи от анархии и революций), Наполеон впоследствии был вынужден отказаться от их развития. К «русским варварам» к концу 1813 г. присоединились едва ли не все остальные государства «цивилизованной Европы», а поведение русских солдат в немецких землях, пусть и не всегда образцовое, но в целом более чем пристойное, завоевало им уважение и даже симпатии местного населения.

Таким образом, у Наполеона оставалось лишь одно безотказное средство для возбуждения народной войны: давление на национальное чувство гордости французов, привыкших к звону литавр и победному грохоту барабанов. Сперва Бонапарт решил прибегнуть к устрашающей риторике: «Польша, Польша, униженная, разделённая, уничтоженная, угнетённая, есть урок ужасающий и живой для Франции, которой угрожают те же державы», – страшал слушателей Наполеон в декабрьской речи 1813 г. в Законодательном собрании [15, p.17]. Наполеон не уставал напоминать французам о том, что «год назад вся Европа была за нас, сегодня вся Европа против нас». И единственное спасение в том, чтобы «вооружиться в случае вторжения, – тогда неприятель либо бежит из страны, либо подпишет выгодный для Франции мир» [1, оп.468, д.1384, л.3]. В предпоследний день 1813 г., 30 декабря, Наполеон произнёс в Сенате речь, в которой подчеркнул, что готов принять предложенные союзниками «позорные» условия мира, однако тогда Франция лишится Беарна, Эльзаса, Франш-Комте и Брабанта*, и призвал «французов помочь французам» [1, оп.468, д.1384, л.19]. Император ожидал, что соотечественники, возмущённые такими потенциальными территориальными потерями, потребуют от него не принимать унижительных мирных условий союзников и вести войну до победного конца. Расчёт, впрочем, не оправдался: большинством голосов (223 голоса «за», 31 «против») Сенат рекомендовал Наполеону принять предложения союзников. Ответ императора был красноречив: 31 декабря Законодательный корпус Франции был распущен [11, с.180].

Когда стало ясно, что сыграть на национальной гордости невозможно, Наполеон решил возжечь пламя партизанской войны военно-административными методами, по-военному чётко: к штабу каждой французской армии был прикомандирован генерал,

* Беарн – южная пограничная область Франции; Франш-Комте – историческая область на востоке Франции; Брабант – центральная область голландско-бельгийской низменности. – Н.М.

отвечавший за вооружённое восстание на определённой территории [14, Vol. XXVII, p.2]. Помимо этого, во все департаменты были разосланы чрезвычайные комиссары, чтобы «руководить сбором ополчения и мерами по защите страны», причём их полномочия и круг обязанностей были чрезвычайно широкими: комиссары должны были набирать конскриптов, собирать для армии обмундирование, оружие, продовольствие, доставлять в армию реквизируемых лошадей, организовывать отряды Национальной гвардии [14, Vol. XXV, p.536]. В середине января 1814 г. был издан секретный приказ жителям оккупированных областей: «Истребляйте всех до последнего солдат армии коалиции, и я обещаю вам счастливое правление», а также строгойше запрещал снабжать противника продовольствием и подчиняться его приказам и предписывал всем гражданам от 16 до 60 лет быть готовыми к 1 марта вступить в армию. За отказ повиноваться ослушникам грозил немедленный расстрел [1, оп.468, д.1591, л.13-14 об.]. Также в занятые врагом западные области посылались специальные уполномоченные, которым вменялось в обязанность налаживать партизанскую войну против неприятеля [14, Vol. XXV, p.536]. Но, несмотря на пылкие призывы Наполеона и действия комиссаров, «обессиленная Франция сначала встретила нашествие без возмущения» [5, с.329]. И виновата тут была сама имперская администрация, из-за которой «занятые союзниками провинции были буквально разорены реквизициями» [5, 329].

Император Франции был умным и реалистичным политиком, понимавшим, что подобные административные меры по зачинанию народной войны не могли дать эффекта, на который он рассчитывал: «возвращения в 1793 год» с такими исходными данными произойти не могло. Нужна была сила, более могучая, чем приказы населению и инструкции генералам. И такая сила, хоть и основательно самим Бонапартом надломленная, была. Окружение Наполеона советовало ему обратиться на свою сторону партию якобинцев, и «он на минуту было имел в мыслях последовать этому совету», вспоминал позже Буриенн [2, с.279]. Сами якобинцы были не прочь помочь своему притеснителю справиться с общей (и для него, и для них) угрозой иностранного вторжения. Начало 1814 г. — короткий момент, когда политические свободы, наглухо задавленные режимом Бонапарта в предыдущие годы, стали снова возвращаться к его противникам: «Вернувшиеся эмигранты, сплотившиеся якобинцы могли действовать довольно свободно, но были осторожны в речах», — вспоминал позже один из бывших эмигрантов Ипполит Оже [8, с.51]. Наполеон шёл на это не от хорошей жизни — ему нужно было мобилизовать нацию, сплотить её перед лицом общего неприятеля, а для этого все средства были хороши. Или почти все — в конечном счёте от помощи якобинцев и эмигрантов было решено отказаться. Слишком непредсказуемая сила якобинского движения, неясность последствий и всегдашняя неприязнь Наполеона к черни, к «канальям» (как он беззлобно, но образно называл простой народ) перевесила в нём желание разжечь народную войну подобным способом. «Это слишком; я могу найти спасение в сражениях, но не найду его у неистовых безумцев! Если я паду, то по крайней мере никак не оставлю Франции революции, от которой я её избавил» [2, с.282].

Отказавшись сотрудничать с якобинцами и разослав приказы в западные области Франции, Наполеон в скором времени покинул Париж и начал кампанию, оказавшуюся для него роковой. Выступая в поход, во главе небольшой, наспех сформированной и не вполне обученной армии 19-летних мальчишек, великий полководец всё ещё надеялся на поддержку своего народа. На помощь ему здесь могли придти сами его противники: мародёрство было чрезвычайно распространено и в австрийских, и в прусских, и особенно в баварских войсках. Поводы для оптимизма у Наполеона имелись: русские генералы с беспокойством доносили, что австрийские мародёры «шатаются по деревням», а их начальство не может с ними справиться. В итоге австрийский главнокомандующий Карл Шварценберг был вынужден даже несколько униженно просить русских казаков «собирать шатающихся солдат» и препровождать их к нему в штаб-квартиру [9, д.4120, ч.1, л.44]. Австрийцы, ещё с осенней кампании 1813 г.

зареккомендовавшие себя страшными мародёрами, не могли тягаться в этом «искусстве» с пруссаками. Те себе не отказывали ни в чём: грабили, ломали, жгли всё, что попадалось под горячую руку (рассказывают, что удручённый подобным зрелищем прусский генерал И. Йорк горько заметил: «Я думал, что имею честь командовать отрядом прусской армии; теперь я вижу, что командую только шайкой разбойников» [5, с.329]). Не отставали от них и русские казаки, добавляя головной боли командующему русскими войсками Барклаю де Толли [4, с.289-290]. Совершенно естественно, что кое-где (в Лотарингии, Франш-Конте, Бургундии, Шампани, Пикардии) «крестьяне вооружались вилами и старыми охотничьими ружьями ... и нападали на небольшие или только что потерпевшие поражение неприятельские отряды» [5, с.331].

Наполеон, поверив было, что партизанская война уже не за горами, попробовал подлить масла в огонь, издав 5 марта 1814 г. знаменитый фимский декрет, в котором констатировал, что «население городов и деревень, возмущённое притеснениями, которое оно претерпевает от врагов, в особенности от *русских и казаков* (курсив мой – Н.М.), берётся за оружие исключительно из чувства национальной гордости», чтобы нанести максимальный урон врагу, и приказывал считать предателем всякого, кто мешает народной борьбе с захватчиком [15, Vol. XXVII, p.189-190]. Народное восстание, готовое вспыхнуть из-за чрезмерного увлечения пруссаками, казаками и баварцами содержимым сундуков и лавок мирных жителей, казалось возможным не только Наполеону, но и его врагам. Знаменитый партизан А.Н. Сеславин, в ту пору командовавший «летучим отрядом», с большим беспокойством делился своими соображениями с начальством: «Мир или решительные действия, иначе народная война во Франции, которой начало я уже почувствовал. Ретирада наша будет для нас гибельна; с отступлением нашим Наполеон повлечёт за собою сотни тысяч» [9, д.4120, ч.1, л.329]. Впрочем, энтузиазм Бонапарта и нервозность его противников были скоротечны по причине очень быстрых изменений на театре боевых действий и эффективной контрпропаганды членов антифранцузской коалиции, внушавших населению Франции, что союзные монархи воюют не с Францией, поскольку желают видеть её сильной и процветающей, а противостоят желанию Наполеона господствовать в Европе [1, оп.468, д.1378, л.1]. Подобная риторика оказалась действенной, но ещё бóльшую роль в том, что война против французской армии не превратилась в войну против французского народа, сыграла стремительность, с которой союзники заняли Париж. 31 марта 1814 г. Париж сдался на милость победителям: восставать против врага уже не было смысла.

Ответ на вопрос, почему революционно-патриотический порыв французов, на который так надеялся их император, не обрёл реальных очертаний и не вылился в массовую партизанскую войну, состоит из нескольких пунктов. Главным, на наш взгляд, является идеологический проигрыш Наполеона: он не смог доступно и убедительно объяснить нации, *против кого* и *за что* она должна сражаться. Снова возвращаясь к параллели с 1793–94 гг., необходимо подчеркнуть, что тогда этот вопрос на повестке дня не стоял: французы сражались за *свою* республику против внешнего врага, желавшего эту республику уничтожить. Не стоит сбрасывать со счетов и особую прелесть и новизны вызова, брошенного революционной Францией остальной Европе: «К духу якобинства присоединилось галльское тщеславие», – тонко подметил Томас Карлейль [7, с.501]. За двадцать лет наполеоновской эпохи французы утратили республиканские свободы, сменяя их на величие империи, и настолько привыкли скрещивать шпаги со всеми государствами Европы, что подобное соперничество их уже не привлекало, а скорее утомляло. Вообще, «французское общество было, если так можно выразиться, "пресыщено славой", особенно с того момента, как война стала стоять слишком многих человеческих жизней, а также слишком больших денег» [15, p.240]. Приучив подданных к победам, но отучив от гражданской самостоятельности, Наполеон оказался заложником собственной системы: революционная традиция защиты отечества с оружием в руках, к которой он столь тщетно взывал, была задушена самим же Бонапартом вместе с другим

«неблагонадёжным» наследием якобинской эпохи. Надо, впрочем, отдать должное последовательности Наполеона: видя своей задачей избавление Франции от «ужасов якобинства», он не решился принять помощь якобинцев даже в критический для своей империи момент.

В отличие от французского императора, его враги сумели объяснить жителям Франции, за что и против кого они сражаются: неоднократно повторяя в прокламациях и личных беседах (как говорил, например, Александр I мэрам Парижа [3, с.629]), что у них враг один — император Наполеон, но не французская нация, и конечной целью войны является мир на континенте, который будет дарован всем, в первую очередь, самой Франции, уставшей от бесконечных войн. Это в корне отличалось от позиции Наполеона, едва ли не единственного в своём окружении и во всей стране, не желавшим подписывать «позорного мира» (под «позорным» понимался любой мирный договор не на условиях Бонапарта). Между тем, желание мира во Франции было очень велико, его хотели и близкие Наполеону люди (А. Коленкур, Ж-М. Савари), и высшие армейские чины [15, р.233]. Население с каждым днём войны на территории Франции жаждало мира всё сильнее и сильнее. Проигнорированный Наполеоном «общественный заказ» на скорейшее заключение мира, был сполна услышан в лагере его противников. И не просто услышан, а сформулирован и использован.

Простая и убедительная риторика европейских монархов была принята французами. Поражение Бонапарта в пропагандистской войне, отмечаемое современными французскими историками [17, р.501], стоило ему трона, поскольку, «не считая военных кампаний на севере и востоке Франции ... неприятель встретился с апатией и даже пособничеством» [12, с.322]. Враг, появление которого у французских границ должно было всколыхнуть французов и заставить их взяться за оружие, так и остался без ярких идеологических «родимых пятен», позволивших бы его определить и уничтожить, а партизанская война осуществлялась в основном лишь на бумаге, в приказах и воззваниях Наполеона. Судьба кампании 1814 г. во Франции, как и судьба наполеоновской всей Империи решилась на полях сражений, переставших быть счастливыми для прежнего «любимца Фортуны», императора Наполеона.

Список литературы

1. АВПРИ. Ф.133 («Канцелярия»).
2. Буриенн Л.-А.-Ф. Записки г. Буриенна, государственного министра, о Наполеоне, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. СПб., 1835. Т.5. 375 с.
3. Внешняя политика России XIX – нач. XX в. Сер. I: 1801–1815. Т.VII. М., 1970, 872 с.
4. Война 1813 г. Материалы ВУА. Т.I. Петроград, 1914, 423 с.
5. История XIX века. Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. М., 1938. Т.2, 591 с.
6. История Франции в трёх томах. Т.2. М., 1973, 663 с.
7. Карлейль Т. Французская Революция. История. М., 1991, 575 с.
8. Оже И. Из записок (1814–1817) // Русский архив, 1877. Т.1–2. С.50–51.
9. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.ВУА.
10. Россия и Швеция: Документы и материалы, 1809–1818. М., 1985, 572 с.
11. Сироткин В.Г. Изгнание и смерть Наполеона // Новая и новейшая история. 1974. №4. С.173-183.
12. Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 2009, 362 с.
13. Béhaine L. La Campagne de France III. L'invasion. Paris, 1935. 222 p.

14. Correspondance de Napoléon I. Vol. XXV, 575 p., Paris, 1867; Vol., XXVII, Paris, 1868, 503 p.
15. Dufraisse R. La France napoléonienne. Aspects extérieurs, 1799-1815. Paris, 1999, 334 p.
16. Koch F. Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814. Paris, 1819. Vol.2, 227 p.
17. Lentz T. Nouvelle histoire du Premier Empire. Vol.2. Paris, 2004, 681 p.
18. Lettres inédites de Napoléon I. Paris, 1897. Vol. II, 339 p.
19. Mémoires du chancelier Pasquier. Vol.II. Paris, 1894, 458 p.
20. Pigéard A. L'armée de Napoléon, 1800-1815. Organisation et vie quotidienne. Paris, 2000, 366 p.

Об авторе

Могилевский Николай Алексеевич – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории факультета Международных отношений МГИМО (У) МИД РФ. melikrat@gmail.com

«UNCLEAR ENEMY»: WHY THE GUERRILLA WAR IN FRANCE IN 1814 HAS FAILED

N.A. Mogilevskiy

Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University).
Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

Author of the article analyzes the reasons of the fail of Napoleon's attempts to set the guerrilla war in France during the campaign of 1814. While the forces of anti-Napoleonic coalition were standing near the border of France, Napoleon did his best to recruit his new army. But the human resources of France were exhausted, and that's why Napoleon decided to set the guerrilla. But all his proclamations and even his orders were disobeyed – French people were too tired of incessant war.

Besides author shows great efforts of Russian headquarters to avoid the guerrilla war. Alexander I and his allies in their proclamations declared that they were fighting only with Napoleon, but not with the French nation. That tactic gave a brilliant result and helped to avoid the patriotic uplift in France in 1814.

In this propagandistic war Napoleon was defeated and that cost him his throne. The reasons of Napoleon's fail, firstly, was the unclear image of the enemy. French emperor didn't manage to unite French nation against the rival. On the contrary, the allies managed to set the disunity between Napoleon and his people.

Key words: Napoleon I, Alexander I, France, anti-Napoleonic coalitions, guerrilla, patriotic uplift.

References

1. AVPRI. F.133 («Kanceljarija»). (Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Fond Chancellery)

2. Burienn L.-A.-F. Zapiski g. Burienna, gosudarstvennogo ministra, o Napoleone, direktorii, konsul'stve, imperii i vosstanovlenii Burbonov. SPb., 1835. T.5. 375 p. (Bourrienne L.-A.F. de. Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. SPb., 1835. Vol.5. 375 p.)
3. Vneshnjaja politika Rossii XIX – nach. XX v. Ser. I: 1801–1815. T.VII. M., 1970, 872 p. (Russia's foreign policy of the XIX-beginning of the XX centuries. Ser.I: 1801–1815. Vol.VII. V., 1970, 872 p.)
4. Vojna 1813 g. Materialy VUA. T.I. Petrograd, 1914, 423 p. (1813 year's war. Documents of the military-scientific archive, Vol.1. Petrograd, 1914, 423 p.)
5. Istorija XIX veka. Pod redakciej professorov Lavissa i Rambo. M., 1938. T.2, 591 s. (History of the XIX century. Under editorship of the professors Laviss and Rambo. M., 1938, Vol.2, 591 p.)
6. Istorija Francii v trjoh tomah. T.2. M., 1973, 663 s. (History of France in three volumes. Vol.2. M., 1973, 663 p.)
7. Karlejl' T. Francuzskaja Revoljucija. Istorija. M., 1991, 575 s. (Carlyle T. French revolution, a history. M., 1991, 575 p.)
8. Ozhe I. Iz zapisok (1814–1817) // Russkij arhiv, 1877. T.1–2. S.50-51. (Auger H. Les notes (1814–1817) // Russian's archive. 1877. Vols. 1–2. P.50–51)
9. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv. F.VUA. (State military-scientific archive of Russia. Fond of the military-scientific archive)
10. Rossija i Shvecija: Dokumenty i materialy, 1809–1818. M., 1985, 572 s. (Russia and Sweeden: documents and materials. 809–1818. M., 1985, 572 p.)
11. Sirotkin V.G. Izgnanie i smert' Napoleona // Novaja i novejšhaja istorija. 1974. №4. S.173-183. (Sirotkin V.G. Napoleon's exile and death // Modern and lates history. 1974. №4. P.173-183)
12. Tjular Zh. Napoleon, ili mif o «Spasitele». M., 2009, 362 s. (Tulard J. Napoléon ou Le mythe du sauveur. M., 2009, 362 p.)

About the author

Nikolay Alekseevich Mogilevskiy – PhD in History, associate professor of the world and patriotic history department of Moscow State Institute of international relations (MGIMO-University) melikrat@gmail.com